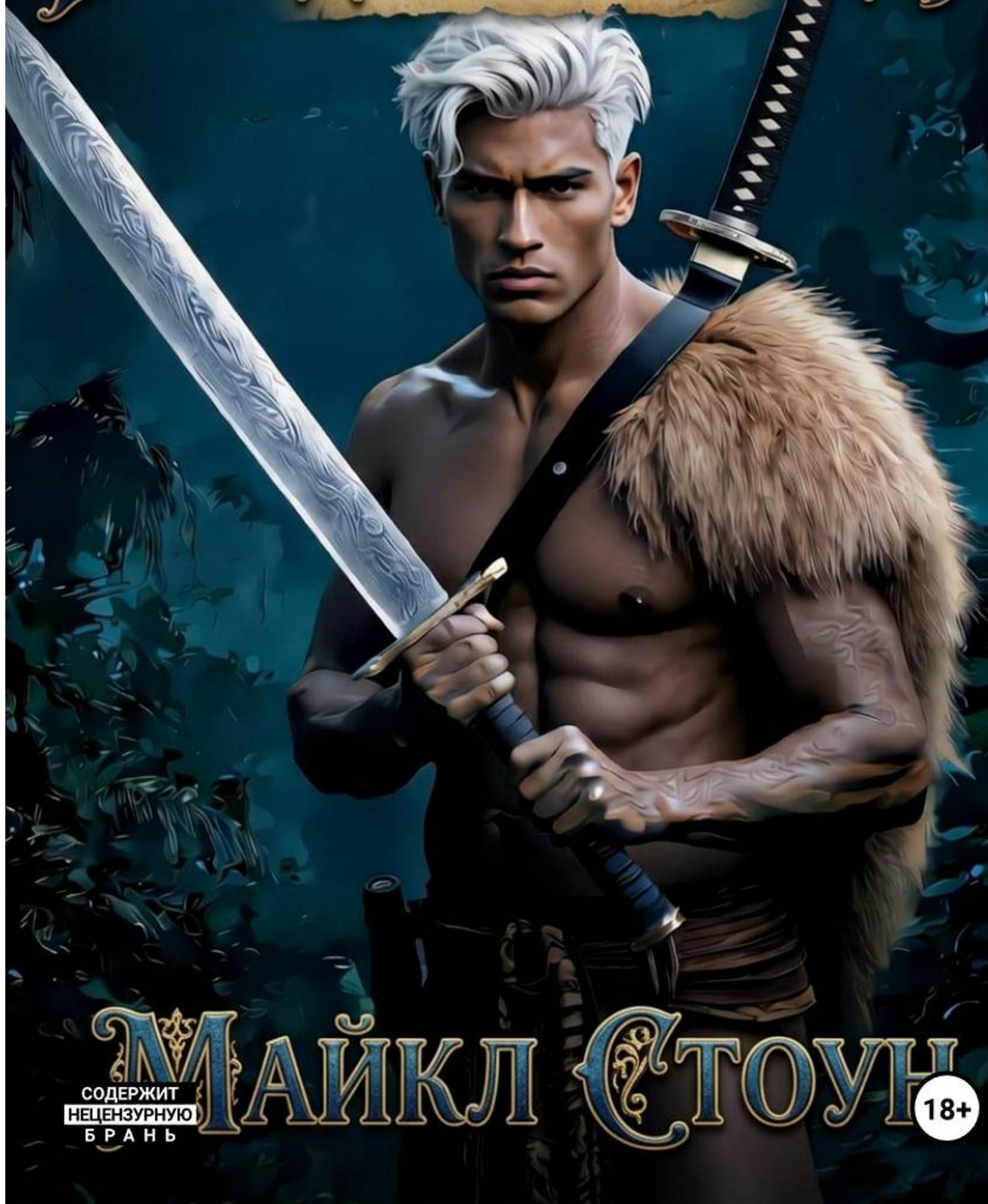

АКАТУНГА: РОЖДЕНИЕ ВОЖДЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАЙКЛ СТОУН

18+

Майкл Стоун

Акатунга: Рождение вождя

«Автор»

2026

Стоун М.

Акатунга: Рождение вождя / М. Стоун — «Автор», 2026

Очнуться голым посреди африканской саванны — это еще полбеды. Хуже, когда ты не помнишь даже своего имени. Мое тело — как оказалось, оружие, которое я не всегда контролирую. С ним я голыми руками завалил льва, а сломанным копьем остановил разъяренного буйвола. Рефлексы подсказывают смертельные приемы, которых я не изучал. Здесь царит шаман Масенджи, чья власть держится на страхе и кровавых «обычаях». Здесь женщины — лишь разменная монета в играх племен. А я — чужак с белыми волосами, которого одни называют демоном, а другие — спасителем. Мне не нужна война. Но чтобы выжить и защитить тех, кто стал мне дорог, придется взять в руки камень и железо. Придется стать сильнее, хитрее и безжалостнее любого из моих врагов. Мое имя Акатунга. И это — история моего рождения как вождя. Роман для тех, кто устал от «розовых» попаданцев и хочет настоящего хардкора: кровь, пот, строительство империи с нуля и герой, который сам не знает, кто он на самом деле.

© Стоун М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2. Та, что спасла	8
Глава 3. Изнанка рая	11
Глава 4. Местные обычаи	14
Глава 5. Чёрный Гром	16
Глава 6. Кровавый закат	20
Глава 7. Добрые соседи	23
Глава 8. Новый порядок	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Акатунга: Рождение вождя

Глава 1. Пробуждение

Темнота перед глазами медленно рассеялась, уступив место серым сумеркам раннего утра. Я открыл глаза и обнаружил себя лежащим голым посреди колючего кустарника, в нос ударил непривычный запах сухой травы.

Голова гудела, тело болело, будто после тяжелого дня на рудниках. Но самое странное было то, что я совершенно не мог вспомнить, кто я и как сюда попал. Я осмотрел свое тело – молодое, крепкое, я бы даже сказал атлетичное. Белая, ухоженная кожа, ровно подстриженные ногти.

Первая мысль была почти успокаивающей: «Ну, вчера я явно отжигал по полной. Память отшибло – бывает». Вторая мысль пришла следом и была менее приятной: «Но обычно после пьянки ты просыпаешься в своей постели, а не в кустах посреди саванны».

Солнце непривычно палило, хотя только начинало всходить. Надо было выбирать. Поднявшись на ноги, я осмотрелся вокруг.

Передо мной была бескрайняя саванна – жёлто-коричневое море травы, уходящее до самого горизонта. Где-то вдалеке темнели одинокие деревья-зонтики, над ними кружили птицы. «Красиво, – подумал я. – Если не считать того, что я понятия не имею, как здесь оказался».

Я сглотнул. Не мог я так напиться, ну не мог же. Правда?

Глаза щипало от яркого солнца, голова кружилась, мысли путались.

Вдали виднелись одинокие деревца и термитники, судя по солнцу, это было на востоке – туда я и решил идти. По крайней мере от мысли о тени под солнцем мне уже становилось лучше.

Я шел и размышлял: ничего не помню – ни имени, ни места, откуда прибыл, ничего.

Жаркое солнце саванны беспощадно припекало спину, пока я шел в спасительную тень далеких деревьев. Под ногами шуршала сухая трава, в горле пересохло, губы потрескались, каждый шаг отдавал болью в мышцах. Тень оказалась не так близка, как я думал, только через несколько часов я сел под тенью невысокого, одинокого дерева. Воспоминания упорно не хотели возвращаться, чувство, что здесь что-то не так уже не просто шептали, нет, они кричали. Каким таким образом я здесь оказался???

Хоть в тени и хорошо, но я все отчетливее чувствовал жажду и понял: без воды так долго не протяну. Надо что-то делать.

Так соберись, если идти дальше на восток деревья становились гуще. Значит и воду вероятнее там найти. И хоть солнце уже было близко к зениту, и моей белой коже это ой, как не нравилось, но надо было идти. Обломав несколько густых веток и хоть немного, укрывшись от солнца я побрел дальше. Ходьба босиком не казалось привычным делом, постоянно впивались в голые ноги острые колючки. Солнце уже нагрело почву и каждый шаг казался ходьбой по раскаленной сковороде.

Через несколько часов таких мучений я вышел на звериную тропу. Это радовало, двигаясь по ней, я непременно найду воду. «Следы были от небольших копыт, может, антилопы, – подумал я».

Близился вечер, ноги иссечены сухой травой и исколоты колючками, кожа вот-вот покроется волдырями. Ветки мало помогали. Я понимал такими темпами я проживу еще максимум день.

Наконец, впереди замаячил небольшой холмик, окруженный пышной растительностью, – верный признак источника воды. Остатки энергии толкнули меня вперед и о чудо, за кустарником действительно был немаленький ручей кристально чистой воды.

Напившись до изнеможения я уставился на лицо, отраженное в воде. Короткие, светлые волосы, широкие скулы и чуть раскосые глаза, на меня смотрело незнакомое симпатичное лицо.

Вдруг, на краю бокового зрения мелькнула огромная пугающая тень. От неожиданности сердце застучало быстрее, дыхание перехватило. Я медленно встал и обернулся...

Мой взгляд встретился с кроваво-красными глазами царя зверей – огромным львом, вышагающим в грозной позе. Его грива переливалась золотистыми оттенками, глаза излучали ледяную уверенность хищника, вышедшего на охоту.

Большая масса и мощная мускулатура делали его идеальным убийцей, способным расправляться с любыми соперниками. Казалось, воздух загустел от напряжения.

Я непроизвольно сжался, почувствовав в груди неприятное волнение. Адреналин заполнил каждую клеточку организма, обострив чувства. Щеки заливала горячая волна крови, конечности мелко дрожали. Но паники не возникло.

Стоящий передо мной лев весил минимум вдвое, если не втрое больше меня. Одолевать такую махину обычным способом бессмысленно. Поэтому действовал единственно возможным методом – ловкостью и внезапностью.

Я сделал шаг назад, притворяясь лёгкой добычей. Лев воспринял это как сигнал к началу атаки. Одним прыжком зверь буквально взлетел в воздух, намереваясь вцепиться зубами в мое тело. Однако я моментально переместился вбок, уклоняясь от основного удара.

– Как? – удивился я про себя. – Я такое умею? Наверное работали дремлющие инстинкты!

Дальше – больше, некие инстинкты продолжали мне помогать. Воспользовавшись открытой шеей животного, я ухватил его за гриву обеими руками и резко швырнул на землю. Великолепная комбинация движений позволила нейтрализовать первый выпад гиганта. Зверь был в ярости.

Успех придал мне уверенности и я начал быстро обдумывать варианты сражения. На кону стоит моя собственная жизнь.

Единственный выход – нанести точный удар по черепу. Оглядевшись, заметил между нами камень размером с футбольный мяч. Он мне пригодится.

Грозный хищник не заставил себя долго ждать и бросился на меня с удвоенной силой. Мой прыжок ему в ноги был для него сюрпризом, он потерял равновесие и под собственной массой и ускорением повалился на бок.

Тут-то камень мне и пригодился.

Собрав оставшиеся силы, я поднял камень обеими руками и с размаху обрушил его на височную область, проломив череп зверя. Раздался глухой стон, и лев тяжело опрокинулся наземь, поверженный невероятной силой удара. Окровавленный хищник судорожно пытался подняться, но тщетно – мощные удары сломили даже гордость царя природы.

Поверженный лев больше не двигался. Сам я стоял, шатаясь от истощения, выдыхая горячий воздух из готовых разорваться легких.

Победив грозного зверя и выжив, я почувствовал головокружение и слабость. Что-то тёплое и липкое текло по моему телу. Опустив взгляд я с удивлением обнаружил глубокие рваные раны на груди, кровь хлестала так, будто я открыл кран.

– Вот чёрт, – успел подумать я. – А я ведь даже не заметил, когда он меня...

Ноги подкосились, земля стремительно приближалась навстречу. Последним усилием сознания я услышал шум шагов бегущих людей.

Перед тем как окончательно провалиться в темноту, в голове мелькнула последняя, удивительная мысль: «Откуда? Откуда я знал, как действовать? Это был... не я? Словно кто-то другой взял управление моим телом». Но ответа не было. Только пустота.

Интерлюдия

Огонь в хижине шамана горел ровно, но Масенджи всё равно видел тени. Они плясали на стенах, сплетаясь в причудливые фигуры, и шептали. Всегда шептали.

Он сидел на циновке, впившись пальцами в высушенную лапу обезьяны – свой самый сильный амулет. Перед ним, в глиняной чаше с водой, отражался не его собственный лик, а небо. Чужое небо, полное падающих звезд.

Видение пришло на рассвете, когда граница между сном и явью становится тоньше волоса.

Он увидел его.

Белого. С волосами цвета выгоревшей травы и глазами, в которых не было ни страха, ни почтения к духам. Он падал с неба, голый и беспомощный, и Масенджи вскрикнул от радости – вот оно, знамение! Духи посылают того, кто поведет племена! Того, кто станет его учеником, его мечом!

Но видение пошло дальше. Он увидел, как Белый не склоняется перед ним, а убивает. Убивает льва. Убивает буйвола. Убивает... его жрецов. А люди, те самые глупые люди, которых Масенджи так долго учил, смотрят на Белого с обожанием и забывают своего шамана.

Холодный пот выступил на лбу Масенджи.

– Нет, – прошептал он в тишину хижины. – Это не так. Духи ошиблись. Или... или они послали его, чтобы испытать меня?

Он схватил горсть сухих трав и швырнул в очаг. Пламя взметнулось, осветив его искаженное мукой лицо.

– Я строил! Я создавал порядок! Я дал им веру! – зашипел он, обращаясь к теням. – А он просто упадет с неба и заберет всё? Почему?!

Тени молчали. Они никогда не отвечали. Только плясали, насмехаясь.

Масенджи закрыл глаза и заставил себя успокоиться. Он был шаманом. Он был хитрее. Если духи послали Белого, значит, Белого можно перехитрить. Можно направить, использовать, а когда он выполнит свою роль – избавиться от него.

– Я встречу тебя, Белый, – прошептал Масенджи, и в его голосе звучала уже не надежда, а холодная, расчетливая ненависть. – Я скажу всем, что ты – спаситель, посланный духами. Они поверят мне. Они всегда верят. А потом... потом ты увидишь, кто здесь настоящий хозяин.

Он открыл глаза. В чаше с водой больше не было звездного неба. Там было только его отражение – человек, который только что решил судьбу бога.

Глава 2. Та, что спасла

Я очнулся и несколько секунд лежал не двигаясь, боясь открыть глаза. Может, это был просто кошмар и не встречал я никакого льва? Сейчас я открою глаза и увижу свой потолок. Свой дом...

Стоп. А какой он, мой дом? Я не мог вспомнить. Вообще ничего. Ни комнаты, ни кровати, ни подъезда, ни адреса. Черт. Неужели эта *** реальна.

В нос ударил резкий запах – травы, дым, что-то пряное и чужое. С запахом пришла и боль. Грудь горела огнём, каждое движение отдавало пульсирующей болью. Я вспомнил страшные раны на груди и ужаснулся.

Запах трав и костра, что это значит – меня нашли и спасли? Я готов был уверить в Бога. Стоп, а если я действительно был в Африке? И нашло меня племя каннибалов? И костер развели для приготовления ужина... из меня. Главное блюдо – запечённый бледнокожий. Ха, не смешно.

Набравшись смелости, я все же открыл глаза. Взгляд уперся в потолок, точнее будет сказать в плетёный потолок небольшой хижины, изготовленный из тростника. Над моей головой нависает причудливый орнамент из высушенных цветов и сушёных трав, свисающих сверху. Вдохнув пряный аромат, пытаюсь осмотреть свои раны – грудь обмотана сухими тряпками, а не обычными бинтами. Осмотревшись, убедился – руки, ноги на месте, на всякий. Мысль о каннибалах не выходит из головы. Я лежал на импровизированном матрасе из сухого тростника. Рядом деревянная тумба, на которой готовили какие-то отвары. Вход закрывала шкура животного, через него проходили лучи полуденного солнца.

Было нестерпимо жарко. Снаружи слышатся голоса и оживлённые разговоры. Такой смешной язык, непривычные уху звуки. И все же я понимаю их разговор. Странно.

– У нас самих еды не хватает, дети голодные ходят, а ты хочешь еще и этого нахлебника кормить. Племя уже неделю мясо не ело. Одни только финики и остались. Я все же предлагаю бросить его или принести ему быструю смерть – гнусавил один мужской голос.

– Масенджи, не перевирай. Охотники говорят дичи нет потому что лев ее в округе спугнул. А раз теперь он мертв, то и охота скоро снова будет удачной. И именно он нам принес избавление от столь страшной угрозы. А ведь никто из нашего племени не решился бросить льву вызов – ответил ему другой мужской голос, от которого веяло неким величием.

– Ха, да ему просто повезло, хищник был измотан голодом и обессилен.

– И не ты ли, о великий шаман Масенджи, предрекал появление великого героя, которому предстоит усмирить великого зверя и привести наше племя к процветанию?

Слышно было как в ответ презрительно фыркнули.

Внезапно на пороге появился среднего роста крепкий мужчина с бронзовой кожей.

– Хм, ты все же очнулся – на меня с неудовольствием уставился ярко одетый туземец. По голосу, я предположил, что это был Масенджи. На нем были страусиные перья, прикрывающие пах и вплетенные в волосы, куча амулетов, браслетов по всему телу. Все это выглядело достаточно колоритно, чтобы в нем сразу признать местного шамана.

– Тиама, сюда иди! Он очнулся – крикнул он мне в лицо и вышел.

Н-да. Первое знакомство не предвещало ничего хорошего. По такому взгляду я уже понимаю, что здесь мне не рады.

Через некоторое время завеса откинулась и в хижину вошла она... Высокая, молодая и стройная, с кожей цвета молочного шоколада и глазами такими тёплыми, что я на мгновение забыл о боли. Она двигалась с грацией, которой могли бы позавидовать танцовщицы – легко, бесшумно, будто не касаясь земли.

Подошла, наклонилась, заглянула мне в глаза и улыбнулась. Ослепительно, открыто, так, что у меня внутри что-то дрогнуло.

– Наш белый защитник и мой герой уже пришёл в себя! – прошептала она.

– Ага – пролепетал я пересохшим ртом – подай воды, красотка.

Она покраснела и смутилась. Явно не ожидала, что я знаю их язык. И пока она набирала кружку воды я рассмотрел ее привлекательную фигуру с большой и высокой грудью, густыми черными волосами и крутыми бедрами. Сердце забилося быстрее. Но, что-то здесь не так...

Да у нее же из одежды только набедренная повязка. Ба.

А это... отвлекало. Сильно. Так, мистер, как тебя там зовут, не смотреть. Ты же не озабоченный подросток. Я с трудом отвёл взгляд.

Тем временем она набрала воды и предложила мне, я с большим трудом смог отвести глаза от больших и тяжелых, таких красивых и манящих...

– Кхм, спасибо – теперь я сам покраснел и отвернулся, насладится холодной чистой водой.

– Ты понимаешь, что я говорю? – В её голосе звучало искреннее изумление.

Я замер. Действительно, понимаю. Каждое слово.

– Сам в шоке, – честно признался я. – Так это ты спасла меня и выхаживала?

– Именно, меня зовут Тиама – она начала снимать тряпки пропитанные настоями трав – надо поменять повязки. Вообще у тебя такие глубокие раны, что было мало шансов на твое выживание, но я все же училась в соседнем племени врачеванию у знаменитого Муссы, поэтому тебе повезло, счастливчик – она снова улыбнулась.

Я тонул в ее глазах и только боль и ужасные раны, открывшиеся моему взору после снятия повязок вернули меня в реальность.

– Красивое имя, Тиама, сколько я уже здесь – спросил я, поморщившись от снятия, прилипших повязок на коже.

– Охотники тебя принесли вчера вечером и так как в нашем племени только я умею лечить такие раны, то ты оказался в моих руках – улыбнулась Тиама.

– Ты не сказал своего имени, если и дальше будешь молчать, я его сама придумаю – игриво сказала Тиама.

Я решил, что не стоит скрывать от нее потерю памяти.

– Я, я ничего не помню. Ни своего имени, ни своего прошлого, ни даже как здесь оказался. Проснулся вчера утром в совершенно незнакомом месте.

– Как то неубедительно, похоже на какой-то розыгрыш.

Вот-вот, – подумалось мне. Перебрав в голове все мало-мальски возможные варианты, я пришел к мнению, что наиболее вероятно это было розыгрышем. Типа здесь везде куча видеокамер и за мной наблюдают и ржут как не в себя. Но битва со львом и мои раны не вписываются в это предположение.

Тогда меня сюда забросили с непонятной целью и единственной возможностью отсюда выбраться будет дожидаться каких-нибудь туристов. Конечно, если это все не фикция и если, выйдя из хижины я не обнаружу операторов. Надо поподробнее опросить Тиаму, что это за место.

– Тиама, я сам не пойму, что происходит. Расскажи где я оказался?

Она тем временем уже закончила со сменой повязок.

– Ты ещё слишком слаб, – сказала она, присаживаясь рядом. – Вот, ешь.

Она зачерпнула из миски и поднесла ложку к моим губам. Кормила, как ребёнка. Униженно, но спорить не было сил.

Суп оказался на удивление вкусным. Наваристый, с травами, мясо таяло на языке.

– Что это? – спросил я, проглатывая очередную порцию.

– Лев, – улыбнулась она. – Тот самый, которого ты убил... Все наше племя радовалось свежему мясу, ведь охота последнее время была неудачна. Быстрее поправляйся, нам такой охотник ой как пригодится – сияла она.

Суп и мясо в нем оказались на удивление хорошо приняты моим желудком, хоть я и готов был поклясться, что такого раньше не пробовал. Я с наслаждением съел всю порцию, после чего мне приказали отдыхать и оставили наедине со своими мыслями.

А мысли в голове крутились как бешеные. Кто я? Где я? Что здесь происходит? Ответов не было. Но был один план: встать на ноги, выйти из этой хижины и всё узнать самому.

Завтра, – подумал я, чувствуя, как сознание уплывает. – Завтра начну искать ответы. И провалился в сон.

Глава 3. Изнанка рая

На второй день я уже смог подняться и самостоятельно ходить. Странно. Раны были глубокие и ещё должны были саднить, но тело слушалось легко, будто я неделю отлёживался, а не сутки. Тогда я не придал этому значения – мало ли, организм молодой, травы у Тиамы особенные...

Утром зашёл крепкий мужчина. Широкие плечи, уверенный взгляд, на поясе – нож с костяной рукояткой. Сразу было понятно воин. Настоящий.

– Я Мвабу, вождь племени Ашанти, – сказал он, и голос его звучал так, что хотелось встать по стойке смирно. – Ты убил льва. Никто из моих охотников не мог справиться с ним, хотя некоторые смельчаки пробовали. Прими это в дар.

Он протянул мне накидку из львиной шкуры – тяжёлую, с поясом из сыромятной кожи. Подарок был внушительным. Я принял его, чувствуя себя самозванцем.

– Наше племя голодает, – продолжил Мвабу. – Лев распугал всю дичь в округе. Но ты пришёл – и он мёртв. Многие говорят, что это знак. Твое появление было предсказано.

Было далеко за полдень, когда я почувствовал себя способным передвигаться самостоятельно и вышел излюбившейся уже мне хижины, чтобы осмотреться. Перед этим я, конечно, накинул львиную шкуру на плечи – тяжёлую, пахнущую кожей и кровью.

Я увидел целый ряд низких строений, расположенных полукругом вокруг центральной площади. Большинство построек представляли собой круглые сооружения с крышами из тростника и стеблей растений, скреплённых волокнами пальмовых листьев. Дома отличались размерами и формой. Самые крупные здания находились ближе к центру. Всего хижин было не больше двух сотен, моя стояла чуть в стороне.

Люди племени выглядели здоровыми и крепкими, большинство имели “загорелую” кожу и мускулистое телосложение. Дети играли возле домов, взрослые занимались ремесленными работами. Некоторые работали с примитивными инструментами, обрабатывая шкуры животных или строя новые строения. Другие занимались готовкой, плетением корзин или воспитанием детей.

Особое внимание привлекли украшения и символы, используемые жителями. Мужчины носили пояса и головные уборы из перьев и волокон, женщины украшали себя подвесками из ракушек. Что мужчины, что женщины не носили одежды выше бедер. И так как преимущественно местные были молодыми людьми, то передо мной открылся удивительный мир женской красоты – дикой и экзотической. Для меня, человека из другого мира, это было непривычно, но в тоже время естественно. Как будто так и должно быть.

Я бродил между хижин и невольно отмечал, как здесь всё устроено. Не было суеты, никто не мешал друг другу – каждый занимался своим делом. Женщины толкли зерно в деревянных ступах, мужчины чинили оружие, дети таскали хворост для костров. Все знали своё место. И сами хижины стояли не абы как, а будто по линейке – ровными рядами, образуя естественные улочки. Здесь чувствовался порядок. Не тот, что приказывают сверху, а тот, что сложился сам, потому что так удобно.

Общий настрой характеризовался дружелюбием, пока я прогуливался мимо хижин, меня с любопытством рассматривали местные, не решаясь заговорить. А вот дети с криками и следами разбегались, только увидев меня. И только пожилая женщина без стеснения предложила мне лепешку, которую я, поблагодарив, с большим удовольствием стал уплетать.

Таким меня и нашла Тиама, увидев крошки по всему подбородку захихикала. Я вновь был поражен ее красотой, большие упругие и манящие груди озорно прыгали, пока она пыта-

лась подавить очередной приступ смеха. Хоть другие молодые девушки племени могли выйти на любой подиум и быть там звездами. Красота Тиамы была на ином уровне.

– Привет, мой храбрый белый воин. Вот-вот начнется праздник, посвященный открытию сезона охоты. Ведь наши охотники уже не боятся идти за зверем, а значит у нас будет много мяса – сказала она, взяв меня за руку и повела к центру племени. Ее ладонь была теплой и нежной: пойдем, я тебе все покажу.

– Если обещаешь показать все, то я в твоём распоряжении – не стал отвергать интересное предложение я, крепче взяв ее руку.

– Хи-хи, ты так и не сказал своего имени, а все племя тебя уже называет Акатунга, что значит «белый воин». – Она смотрела на меня вопросительным взглядом, будто спрашивая моего разрешения.

– Акатунга – попробовал я свое новое имя на язык – мне нравится, можешь звать меня так, все равно я свое настоящее не помню.

И тут мы вышли на центральную площадь, а праздник действительно уже начинался.

Барабанщики, окружившие небольшую площадку возле площади, ударили в барабаны, создавая мощный, гипнотический ритм. Я почувствовал, как вибрация проникает вглубь тела, вызывая мурашки по коже.

Сначала вышли танцоры, облаченные в костюмы из птичьих перьев и звериных шкур. Их движения были грациозными и точными, напоминая танец животных, с которыми они жили бок о бок тысячелетиями. Музыка становилась всё сложнее: к барабанам присоединились трели флейт и мелодичный перезвон трещоток. Энергетика выступления росла, заразительно воздействуя на зрителей.

Особенно восхитили юные танцоры – подростки, чья гибкость и ловкость поражали. Их прыжки и вращения, синхронизированные с музыкой, вызвали бурю аплодисментов и восторгов.

Я заметил, что песня не прекращалась, но перетекала в хор, созданный взрослыми участниками. Голоса сливались в единую мелодию, наполненную эмоциональной глубиной и энергетикой. Древние гимны, исполняемые столетиями, рассказывали о любви, горе, охоте и достижении, будоражили воображение и волновали душу.

Тиамы гипнотически танцевала, извиваясь всем телом, рядом со мной, не давая другим девушкам присоединиться к нам. В этот момент я почувствовал себя счастливым. И сразу пропало сосущее чувство потерянности, вот он рай женской красоты. Несколько десятков юных нагих красавиц, поражающих своей естественной красотой и грацией, танцевали вокруг меня, а самая желанная их возглавляла.

Всё это произвело на меня колоссальное впечатление. Я впервые ощутил настоящую связь с культурой и традициями племени. Никогда раньше я не испытывал подобного чувства принадлежности и единства.

Вдруг музыка поутихла, сменив нотки радости и веселья на напряженность и отчуждение. В центр танцующих вышел шаман Масенджи, ведя за собой, самую богато украшенную цветами и вычурными перьями различных форм и расцветок, девушку на этом празднике. На вид ей было не больше 18 лет. За ними шли дюжину мужчин, большая часть из которых была одета по образу самого шамана.

Музыка становилась напряженнее, все отчетливее слышался ее такт. Шаман, совершая странные па, начал срывать одежду с девушки. Цветы и перья полетели по сторонам. Мужчины взяли в круг обоих, не сводя глаз с девушки, трясли бедрами, издавая призывные звуки.

Тиамы наморщилась, на ее лице не осталось и тени радости, только что переполнявшей ее. Перестав танцевать, она взяла меня за руку.

– Пойдем отсюда, Акатунга – хмыкнула она.

Тем временем шаман полностью раздев девушку, швырнул ее в толпу, ожидающих мужчин. Девушка всхлипнула, но продолжила свой танец, окруженная толпой мужчин с эрегированными членами. Они ласкали ее тело, продолжая танец. Сначала лицо, плечи, высокие груди, потом спускались ниже – широкие бедра и пухлый темный бугорок между ног. После ее повалили и под такт музыки по очереди начали входить в нее. Она кричала и вовсе не от удовольствия.

– Что это, блядь, такое?! – выдохнул я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Тиама молчала, только сильнее сжимала мою руку. А я смотрел на площадь, где под барабанный бой девушку, насиловали десятки мужчин, и не мог пошевелиться. Меня трясло.

Глава 4. Местные обычаи

Тиама, злая и сильно расстроенная, силой меня увела с “праздника”. Я шёл, спотыкаясь. В голове всё ещё стояли крики той девушки и мерный гул барабанов, отчего меня слегка потряхивало.

Она привела меня на холм за деревней. Отсюда открывался вид на саванну – бескрайнюю, спокойную, равнодушную. На горизонте догорал закат, окрашивая небо в кроваво-красные тона.

Наконец она отпустила мою руку и посмотрела прямо на меня. Глаза её были полны слёз. Она не пыталась их скрыть – просто стояла и смотрела, пока слёзы текли по её щекам. У меня внутри всё перевернулось.

– Тиама, что это было – нежно повторил я свой вопрос.

– Акатунга... – всхлипнула она, прижимаясь ко мне плечом. – Это, это наши новые традиции. Перед тем как муж и жена начинают жить вместе, проводится обряд свадьбы, на котором жрецы и все желающие должны трахнуть жену. И чем больше будет желающих, тем счастливее будет их совместная жизнь. Так считается...

Она зарылась лицом в мою львиную шкуру. На груди стало мокро.

– Раньше такого не было, – сказала она, немного успокоившись. – Около пяти лет назад Масенджи пришёл к нам. Откуда – никто не знал. Говорил красиво, складно. Обещал, что духи дадут нам силу, если мы будем чтить древние обычаи. Люди слушали, кивали. Кто ж против духов? А потом... потом он сказал, что духи требуют жертв. Не животных – людей. И что самый угодный богам обряд – это когда невесту перед свадьбой познают все мужчины племени.

– И ему поверили? – недоверчиво спросил я.

– Сначала не все, – Тиама покачала головой. – Старейшины спорили, женщины плакали. Даже мой отец, вождь, – она запнулась, – он пытался его остановить. Сказал, что такого никогда не было, что предки не учили нас насиловать своих женщин. Масенджи тогда ещё не имел большой силы, просто ходил и шептал. Но у него уже были сторонники. Те, кому понравилась его идея.

Она замолчала, собираясь с мыслями.

– Масенджи выбрал первую свадьбу. Девушку звали Айно. Ей было пятнадцать. Её жених, Танделе, попытался отказаться. Сказал, что не позволит трогать свою жену. Мой отец поддержал его. Вышел перед толпой и сказал: «Это не наш обычай. Я запрещаю».

– И что же Масенджи?

– Он улыбнулся. Подошёл к отцу и спросил так громко, чтобы все слышали: «Ты вождь, Мвабу. Ты должен защищать свой народ. Но кто защитит народ от тебя, если ты отворачиваешься от воли духов?» И кивнул своим людям.

Она замолчала, и я понял, что дальше будет самое страшное.

– Его избили, – тихо сказала Тиама, и по щеке у неё снова потекла слеза. – Прямо на площади. При всех. Жрецы Масенджи били его палками, а он не падал. А когда все же упал, они продолжили бить. Я думала, он умрёт. Танделе и еще несколько человек бросились ему на помощь – Танделе убили сразу, копьём в спину, других просто сильно избили.

Я сжал кулаки до хруста.

– А потом... потом они взяли Айно. Все. Один за другим. А Масенджи стоял рядом и улыбался. Говорил, что так надо, что духи теперь довольны. И смотрел на моего отца, который лежал в луже крови и не мог даже пошевелиться.

Меня замутило. Перед глазами снова встала картина сегодняшнего праздника – те же лица, те же улыбки.

– После этого никто уже не спорил, – закончила Тиама. – Мой отец выжил, но с тех пор молчит, когда Масенджи говорит. А ты сам видел сколько оказалось желающих трахнуть будущую жену. Таковую же поддержку и даже больше, ему оказали местные не женатые мужчины. Им этот обряд даже нравится. А те, кто хотели защитить своих невест, знают, что их убьют. И молчат.

Н-да, – подумал я. Человеческие пороки никогда не исчезнут: жадность, тщеславие, похоть – их яркие представители отлично уживаются в такой личности как шаман племени.

– Жуть какая-то. Неужели ничего нельзя сделать?

– Я... я не знаю. – потупила взор Тиама. – Древние традиции живут в сердцах соплеменников. В соседнем племени, говорят, существует обычай, где мальчикам наносят ожоги на лице, руках и теле специальными клеймениями, называемыми «посредниками общения с духами». Считается, что процедура делает мальчика настоящим взрослым, приобщает его к тайнам племени и даёт доступ к мудрости старших.

– Что? Это неправильно. Так нельзя, – выдохнул я. И вдруг, неожиданно для самого себя, добавил: – Я это исправлю.

Слова вырвались раньше, чем я успел подумать. Но, сказав их, я понял: это правда. Я не мог просто смотреть на это и ничего не делать.

Она посмотрела на меня – и в её глазах, ещё влажных от слёз, я увидел что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание. Уважение. Восхищение. И надежду. Её заплаканное лицо выглядело так мило. Я сам не заметил, как наши губы встретились. Поцелуй был солёным от её слёз, но это был самый правильный поцелуй в моей жизни. Дыхание участилось, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Обняв Тиаму, я почувствовал как её сердце бьется рядом – быстро-быстро, в унисон с моим.

Губы её, хоть и соленые, но сладки, как персик, кожа нежная как бархат. Рукой я коснулся её правой груди, медленно водя вокруг, напрягшегося большого розового соска. Ее тело вздрогнуло от наслаждения. Я продолжил целовать ее сладкие губы, нежную шею, сильные плечи, упругие груди, медленно скользя вниз.

Сбросив с себя шкуру, я уложил Тиаму на нее легким броском. От неожиданности она вскрикнула и счастливо улыбнулась. Сорвав с нее набедренную повязку, я продолжил ласкать все ее тело. Под повязкой оказался аккуратный, манящий черный бугорок счастья. Ее тело грациозно изгибалось поддаваясь моей ласке, когда ее стоны поглотили меня целиком.

Было уже далеко за полночь, когда, насытившись ласками, я уснул глубоким сном, обнимая ее прекрасное тело в крепких объятиях.

На границе сна я услышал её тихие мрачные слова:

– Скоро и меня ждет эта жуткая свадьба...

Глава 5. Чёрный Гром

На следующее утро я проснулся и первым делом машинально потянулся к груди – проверить раны. И замер.

Под пальцами была не влажная, ещё незажившая плоть, а сухая, чуть шершавая кожа. Я отбросил шкуру, которой укрывался, и уставился на свою грудь.

Там, где ещё вчера зияли глубокие рваные раны от львиных когтей, теперь тянулись бледные, едва заметные шрамы. Будто прошло не три дня, а три недели. Будто какое-то неведомое мне время текло для моего тела иначе, чем для всех остальных.

– Так не бывает, – прошептал я, проводя пальцами по зажившей коже.

Мысли заметались. Может, Тиам добавила в свои мази что-то особенное? Может, я просто крепче обычного? Или...

Я вспомнил схватку со львом. Ту невероятную ловкость. Ту силу. Адреналин, шок, инстинкты – тогда это казалось логичным объяснением. Но теперь... теперь я лежал здесь, с зажившими за три дня ранами, и логика давала трещину.

«Что я такое? Эксперимент? Мутант из пробирки?» – эта мысль, пришедшая из ниоткуда, была настолько абсурдной, что я хмыкнул. Но смех вышел нервным. Потому что никакой другой, более внятной версии у меня не было. «Может, я и не человек вовсе?» От этой мысли внутри похолодело, хотя солнце уже начинало припекать. Я постарался выкинуть её из головы. Пока – выкинуть. Но зерно сомнения уже было посеяно.

Дни потянулись чередой. Я вставал с рассветом, помогал женщинам носить хворост, наблюдал, как охотники разделяют добычу, учился отличать съедобные корни от ядовитых. Постепенно я начал чувствовать ритм этой жизни – неспешный, но наполненный. Запах дыма и жареного мяса стал привычным, крики детей перестали резать ухо. Но тень Масенджи и его «обычаев» висела над всем, как тяжёлая, липкая пелена.

Основное занятие племени – охота и собирательство. Мужчины охотятся преимущественно на антилоп и газелей, реже на буффало (африканский буйвол), обезьян и леопардов. Последние из списка вызывают у меня отвращение, как их можно есть? Например, обезьяньи мозги считаются высшим деликатесом...

Женщины собирают ямс, сорго и просо, а также основу почти всех блюд окру. Её преимущественно используют для приготовления густых слизистых супов, которые являются визитной карточкой местной кухни. Работы хватало для всех, но особых технологических прорывов не наблюдалось. Что называется каменный век воплоти. Что технологически, что культурно. И пока я жду своего спасения, например прибытия европейских туристов, почему бы, используя свои навыки, не улучшить местный быт.

– Ты знаешь, как правильно обработать шкуру? – спросил я вечером у старшего охотника Мунаки, пока мы сидели у общего костра.

Мунаки пренебрежительно махнул рукой:

– Обработываем как обычно: песок и солнце сделают своё дело.

Я улыбнулся, вспомнив старые приемы:

– А хочешь научиться обработке так, чтобы шкура прослужила дольше и была мягче?

– Интересно, – откликнулся Мунаки. – Давай покажи, как ты умеешь.

В последующие дни я обучил охотников правильной подготовке шкур. Используя острые камни и минералы, помог очистить шерсть, растянуть и сохранить материал. Качество шкур повысилось и местные охотники оценили это.

Также я обратил внимание на отсутствие гончарного дела, хотя поблизости от племени имелись открытые залежи красной глины. Вся кухонная утварь была сделана из дерева. Собрав

самых инициативных молодых девушек, я организовал добычу глины и обучил их азам гончарной работы. Результатом стали качественные емкости для хранения воды, молока и масла.

Для меня это были мелочи. Для племени – революция. Женщины наперебой просили показать, как лепить горшки, мужчины таскали мне шкуры для обработки. Кто-то даже построил алтарь недалеко от деревни и начал приносить туда подношения – в основном безделушки и куски мяса.

Акатунга – бог горшков и шкур, – усмехнулся я про себя. – Звучит не очень, но могло быть хуже.

Но самым значительным событием стало предложение пойти на охоту. Деревня нуждалась в свежем мясе и я предложил присоединиться к группе охотников. Зная приемы охоты и создание ловушек из опыта своей прошлой жизни, я точно не буду пятой ногой на охоте. Странно, как охотиться, изготавливать ловушки и посуду из глины, дубить кожу – всё это я знаю, но не могу понять это мой личный опыт или просто теоретические знания, которые я запомнил когда-то.

Ко мне подошли двое – Кеита и Джума, лучшие охотники Ашанти. Их тела были испещрены шрамами от схваток, а глаза смотрели на мир с холодной, звериной оценкой.

– Акатунга, – начал Кеита, чей низкий голос звучал как скрежет камней. – Стадо антилоп канна видели у водопоя к северу. Мясо нужно племени. Ты пойдёшь с нами. Покажешь, на что способен белый воин».

Предложение было вызовом. Взгляд Джумы, молчавшего, говорил яснее слов: «Твой лев мог быть удачей. Покажи, что ты не просто диковинка»

Я кивнул. Не из бравады. Мне нужно было их уважение. Без него я так и останусь странным гостем, чьё мнение ничего не стоит. А противостоять Масенджи в одиночку было безумием.

Перед рассветом охотники, включая меня, Кейту, Джуму и Мунаки, всего одиннадцать человек вышли. Воздух был холодным и густым, пахнул полынью и влажной землёй. Я шёл позади, держа в руке копье с острым кремневым наконечником, выбранным из арсенала деревни. Кеита и Джума двигались впереди бесшумно, их ступни, покрытые грубой кожей, не оставляли следов. Я же, несмотря на всю свою силу, чувствовал себя слоном в посудной лавке – каждый шаг отдавался в ушах громче барабана.

– Антилопа – не лев, – тихо, почти шёпотом, объяснил Мунаки, когда мы достигли края высокой травы. – Она труслива, как ветер, и быстра, как молния. Не пытайся её догнать. Нужно быть умнее.

Мунаки нарисовал план на земле пальцем. Стадо должно было выйти с водопоя на открытую поляну. Моя роль была проста: спрятаться в кустах у узкой тропы. Когда антилопы появятся, я должен был встать, закричать, попрыгать – сделать всё, чтобы напугать их и повернуть не в сторону чащи, где они могли бы разбежаться, а на склон холма. Там, за гребнем, в узкой каменной расщелине, их уже ждали Кеита и Джума с копьями.

– Ты – шум. Только шум, – повторил Джума, впервые открыв рот. Его голос был выше, но таким же безэмоциональным. – Не показывайся раньше времени. Не пытайся бить. Иначе всё испортишь.

Я занял позицию. Кусты кололи голые бока, насекомые жужжали у лица. Сердце билось ровно, но в голове крутилась мысль: «Я – пугало. Приманка. Такова моя роль сегодня». Солнце поднялось выше, стало припекать спину. Ветер донёс запах воды и... чего-то ещё. Тяжёлого, мускусного.

И тут я услышал. Но это был не лёгкий топот копыт антилоп. Это был грохот. Низкий, содрогающий землю грохот, как отдалённый обвал. Кусты передо мной затрепетали вовсе не от ветра.

Из чащи, ломая молодые деревца, как спички, вырвалось не стадо изящных антилоп. На поляну, фыркая и роя копытами землю, выкатилось чёрное, живое облако ярости. Буйволы. Несколько десятков огромных, покрытых грязной шерстью гигантов с кривыми, смертоносными рогами. Их маленькие глаза горели тупой, неостановимой злобой. Они шли на водопой и их путь вёл напрямиком на мои кусты.

Ледяная волна прошибла всё тело. Мозг выдавал обрывки мыслей: «Беги. Это не антилопы. План провален. Но инстинкт, тот самый дикий, незнакомый голос, что подсказал, как убить льва, заговорил снова. Только теперь он кричал одно: «Не прячься. Они не остановятся, не повернут. Они сомнут».

Я не побежал. Я выпрямился во весь рост, раздвигая кусты руками. Передняя линия буйволов, увидев внезапно возникшую фигуру, на секунду замедлилась. Но массивный самец во главе, чьи рога были размером с мою руку, только фыркнул и опустил голову для тарана. Он был воплощением слепой мощи, движущейся скалой.

Мысль пронеслась ясная и чёткая: «Не уклоняйся. Встреть его».

Я взял копье обеими руками и резко ударил по нему коленом ближе к наконечнику. Сухое дерево треснуло, разломившись. В руке остался обрубок с острым, каменным наконечником – почти кинжал.

Вцепившись взглядом в буйвола, я понял, что нужно делать. Всё остальное исчезло – остальное стадо, страхи, крики охотников. Остался только он и я.

Когда до меня оставалось три прыжка, я не отпрыгнул в сторону, как учил здравый смысл. Я сделал шаг навстречу, в последнее мгновение приседая и бросаясь вперёд, под самую его грудь. Острый рог просвистел в сантиметре от виска, обдав горячим, вонючим дыханием. Свободной рукой я вцепился в толстую, жилистую шею быка, впиваясь пальцами в складки жёсткой кожи. А второй – той, что сжимала обломок копья – со всей силы ударил в то место, где шея переходила в загривок.

Удар вошёл глубже, чем я ожидал. Рваный край древка разорвал шкуру, вонзился в мясо. Буйвол взревел – не от ярости, от боли. Он дёрнулся, попытался сбросить меня, резко мотнув головой. Я повис на нём, вцепившись мёртвой хваткой, и ударил снова. И снова.

Кровь хлынула горячим потоком, заливая руку. Буйвол зашатался, его задние ноги начали подкашиваться. Но я не отпускал. Я вколачивал обломок в его шею раз за разом, пока не перестал чувствовать руки. Они просто работали – мокро, хлюпающе, ритмично.

Последний удар вошёл по самую рукоять. Буйвол всхрипнул, из пасти хлынула кровавая пена, и он рухнул на колени, увлекая меня за собой. Мы вместе повалились на землю, подняв облако пыли. Бык бился в предсмертных судорогах, его мощные ноги дрыгались в воздухе. Я лежал на его могучей туше, всё ещё сжимая в руке окровавленный обломок копья, и тяжело дышал, глядя в мутнеющее небо.

Вокруг нас остальное стадо, испуганное гибелью вожака, уже разворачивалось и несло прочь, обратно в чащу.

Тишина. Только свист в ушах и моё собственное тяжёлое дыхание. Я медленно разжал онемевшие пальцы и откатился в сторону. Передо мной лежал гигант, которого я только что победил в лобовой, нечеловеческой схватке.

Из-за холма выбежали Кеита и Джума. Их лица, обычно невозмутимые, были искажены смесью ужаса и восхищения. Они смотрели не на меня, а на мёртвого буйвола, потом на мои руки, на которых выступали мощные бугры мышц.

– Ты... ты его остановил, – прошептал Кеита. – В одиночку... сломанным копьем.

Я перевел дух, вытирая с лица липкую кровь. Тело гудело от напряжения, но это была приятная усталость. Адреналин всё ещё бурлил в крови, и где-то на задворках сознания пульсировала странная, пугающая мысль: «Это было слишком легко. Для обычного человека». Я посмотрел на свои руки, на бугры мышц, вздувшиеся на предплечьях. Они были моими, род-

ными, но в то же время чужими. Словно я смотрел на тело кого-то другого – идеальной машины для убийства, которую кто-то очень умело натренировал.

Кеита и Джума смотрели на меня с восхищением, граничащим со страхом. Я перехватил их взгляды и вдруг с удивительной ясностью осознал: они правы. То, что я только что сделал, было за гранью человеческих возможностей. Пульс бешено застучал в висках, но не от усталости – от внезапно накотившего вопроса, который прожег сознание, как калёное железо: «Откуда у меня такие умения? Кто я такой, чёрт возьми?»

Я смотрел на мёртвую тушу, и ответа не было.

– Да, железные орудия для убийства мы еще изобретем, – отстранённо подумал я, пытаюсь заткнуть эту внутреннюю брешь привычной иронией. А пока – как есть.

Джума молча подошёл...

– Это не охота, Акатунга, – тихо сказал он. – Это... битва вождей. Теперь племя будет сытым пару дней.

Глава 6. Кровавый закат

Мы возвращались под вечер, уставшие, но окрылённые. На шестах, согнувшихся под тяжестью, раскачивалась туша буйвола – «Чёрного Грома», как его уже успели окрестить охотники. Наши шаги были тяжёлыми, но лица озаряла редкая для этих суровых людей улыбка. Даже Джума пару раз хмыкнул, глядя на добычу. В деревне нас ждал пир, уважение и, как я наивно думал, тихий вечер у костра с Тиамой.

Запах дыма от деревни донёсся раньше, чем должны были бы зажечь пиршественные костры. И в нём не было аромата жареного мяса. Это был просто дым – густой, тяжёлый.

Первой тревожной нотой стал звук барабанов. Не праздничных, ликующих, а тех самых – мерных, гипнотических, зловещих, которые я слышал во время той кошмарной «свадьбы». Ледяная пустота начала заполнять грудь.

Когда мы вышли на последний склон, открывающий вид на деревню, моё сердце остановилось.

Центральная площадь была освещена факелами. В их неровном свете метались тени десятка танцующих мужчин в перьях и амулетах – жрецов Масенджи. Их движения были не танцем, а ритуальной поступью хищников, сходящихся вокруг добычи. И в центре этого круга, отчаянно вырываясь, была она.

Тиама.

Её держали за руки двое здоровенных мужчин с пустыми глазами. Её набедренная повязка была порвана, волосы растрёпаны. Она не кричала – она рычала, как загнанная пантера, выдёргивая плечи и пытаясь лягнуть одного из держащих её. Но её сила была ничто против их грубой хватки.

Мой взгляд метнулся к её хижине. У входа, склонив голову на колени, сидел Мвабу, вождь. Его могучее тело было покрыто свежими ссадинами и подтёками крови, правая рука была согнута под неправильным углом. Рядом стояли трое жрецов с копьями, явно его караулившие. Он не смотрел на площадь. Он смотрел в землю, и в его позе читалось нечто худшее, чем поражение – стыд и сломленность.

Остальные жители не вышли приветствовать охотников. Они прятались. Из-за углов хижин, из-за занавесок виднелись испуганные лица женщин и детей. Мужчины, те, что не были жрецами, стояли поодаль, сжав кулаки, но их взгляды были опущены. Страх витал в воздухе гуще дыма.

И над всем этим царил он. Масенджи. Он плясал перед Тиамой, размахивая посохом с высушенной лапой обезьяны, его лицо было искажено экстазом власти. Он что-то выкрикивал, но слова тонули в монотонном, давящем биении барабанов.

Всё внутри меня оборвалось. Мысли исчезли. Остался только белый шум ярости, который заглушил даже барабаны. Это был не гнев. Это было извержение. Древний, первобытный инстинкт, затопивший разум.

Я даже не почувствовал, как выпустил из рук шест с добычей. Я просто рванул вперёд, срывая с плеча львиную шкуру, которая вдруг стала невыносимо тяжёлой.

Меня заметили не сразу. Только когда я уже влетел на площадь, сметая с пути одного из пляшущих жрецов, раздался первый крик. Масенджи обернулся, и его экстаз на миг сменился недоумением, а затем – холодной яростью.

– Остановите его! Он оскверняет обряд! – прошипел он, и его голос, наконец, пробился сквозь гомон.

Двое жрецов с копьями бросились мне навстречу. Их движения были размашистыми, небрежными – они видели перед собой просто взбешённого человека, голого, беззащитного, с

одними лишь кулаками. У них были копья. И их было больше. У них не было только одного – шанса.

Их копья оказались для меня лишь помехой. Всплыли откуда-то из мышечной памяти чёткие, выверенные движения. Я не думал. Тело действовало само. Уклон от первого колющего удара – остриё просвистело в сантиметре от лица. Резкий шаг вперёд, разворот корпуса, и ребро ладони влетело первому в горло. Хруст, хрип – и человек рухнул, хватая себя за шею, силясь вдохнуть.

Второй, ошеломлённый, замахнулся древком, целясь мне в голову. Я ушёл вниз, пропуская удар над собой, и в ту же секунду моя нога со свистом описала дугу, врезавшись ему в колено. Треск раздался такой, что его услышали даже над барабанами. Нога жреца согнулась под неестественным углом, он заорал и рухнул, выронив копье. Его вопль слился с общим гулом.

Я шёл дальше, к центру круга. К Тиаме. К Масенджи.

Шаман отпрянул назад, крича своим людям. Ещё четверо оторвались от толпы и окружили меня. В их руках блеснули каменные ножи.

Тогда во мне проснулось что-то иное. Не карате, не бокс – что-то более прямое, жестокое и эффективное. Что-то, что не било, а уничтожало. Мои удары были молниеносными и точными: сломанная рука, выбитые зубы, удар в солнечное сплетение, выводящий из строя надолго. Я не просто раскидывал их – я ломал. Жестоко, без колебаний. Через минуту они все лежали на земле, корчась от боли.

И вот передо мной остался только он. Масенджи. Его надменность испарилась, сменившись животным страхом. Он попятился, что-то лепеча, пытаясь прикрыться своим посохом.

Ярость не утихла – она требовала расплаты. Я не стал бить его сходу. Я просто шагнул вперёд, выбил посох одной рукой, а другой вцепился в его богатое ожерелье из когтей и зубов и рванул на себя. Шнур порвался, амулеты рассыпались по пыли. Потом мой кулак обрушился ему в лицо. Удар был таким, что он отлетел на несколько шагов и упал на спину.

Барабаны смолкли. В наступившей тишине было слышно только моё тяжёлое дыхание и стон Масенджи.

Я навис над ним. И тогда начал бить. Системно, методично, безжалостно. Каждый удар был ответом – за избитого Мвабу, за униженных девушек, за страх в глазах детей, за слёзы Тиамы. Я бил его в лицо, пока оно не превратилось в кровавую мешанину, а его лепет не перешёл в хриплые мольбы.

Я бы убил его. В тот момент во мне не было ничего человеческого, что могло бы остановить эту кару.

Но меня остановил её голос.

– Акатунга!

Это был крик, полный не только облегчения, но и ужаса. Я обернулся. Тиаме, вырвавшаяся наконец из ослабевших рук стражников, стояла в нескольких шагах, её лицо было залито слезами. В её глазах я увидел не только любовь, но и страх. Страх перед тем, во что я превратился.

Я замер, кулак, занесённый для следующего удара, дрогнул в воздухе. Дыхание обожгло лёгкие.

И в эту хрупкую, натянутую как струна тишину, с окраины деревни, из-за хижин, ворвался новый звук. Не барабаны. Отчаянные, пронзительные крики. Женские визги, мужские вопли ярости и беспомощности. Крики, от которых кровь стыла в жилах.

– Украли! Украли! Они в деревне!

Это был не один голос. Это был хор ужаса, разорвавший ночь.

Мгновение все – включая меня – простояли в оцепенении. Даже стоны Масенджи затихли. Потом из-за хижин на площадь выбежала старая Нала, её лицо было искажено гримасой чистого террора.

– Йоруба! – закричала она, захлёбываясь. – Племя Йоруба! Они прокрались с запада! Они уводят наших девушек! Уже увели Ндею и Кито! Они здесь!

Мой взгляд метнулся к темноте за хижинами. Там мелькали тени, слышался топот многих ног и приглушённая борьба.

Победа, только что казавшаяся такой полной, рассыпалась в прах, сменившись новой, куда более страшной угрозой. Враг был не внутри. Он пришёл извне. И пока мы выясняли отношения здесь, он уже действовал.

Я поднялся с колен, оставив избитого шамана хрипеть в пыли. Встретился взглядом с Тиамой. В её глазах теперь был только страх – но не за себя. За племя. За наших.

Вождь Мвабу, будто очнувшись от кошмара, с трудом поднялся на ноги, его глаза загорелись забытым огнём ярости. Кеита и Джума, бросив тушу буйвола, уже сжимали в руках копья, их лица стали масками готовности к убийству.

Барабаны судьбы отбили новый такт. И на этот раз они били по нам всем.

Глава 7. Добрые соседи

Картина, которая предстала перед нами на окраине деревни, была похлеще любого кошмара. Йоруба ушли, оставив после себя не просто разруху, а горе, вонзавшееся в самое сердце. На земле валялись опрокинутые корзины, разбитые глиняные горшки – мои горшки, которые мы с таким трудом научились делать. Но это была мелочь.

Главное – люди. Двое охотников лежали неподвижно, их тела пробиты копьями. Еще десяток мужчин были ранены и стонали, от кровоточащих ран. Они лежали на земле, зажимая раны, но кровь теряли не столько из порезов, сколько из раздавленной гордости. В темноте, среди привычных хижин, они стали не воинами – просто мишенями.

Мвабу жёстко избитый, хромая, со сломанной рукой, обошел каждого раненого. Он не говорил. Его молчание было тяжелее любого упрека. Он касался плеча каждого мужчины, и этот жест был одновременно и благодарностью за попытку сопротивления, и приговором самому себе.

Десять девушек. Десять молодых, смеющихся еще сегодня утром лиц. Среди них – Ндея, у которой только-только начали округляться бедра, и Кито, лучшая плетельщица корзин. И два самых крошечных, самых нежных создания – двенадцатилетние близняшки Амина и Амира. Их похитили, как котят из гнезда. Цель была ясна и цинична: плодовые женщины для чужого племени. Живой товар.

Преследовать ночью было бы безумием. Йоруба знали местность, а темнота превращала саванну в ловушку, где каждый куст мог скрывать врага. Мы могли угодить в засаду и потерять еще больше людей.

Ночь была долгой и горькой. Мы занимались ранеными. Тиама, с трясущимися руками и заплаканным лицом, кипятила воду, готовила настои. Я помогал ей, накладывая примитивные повязки, удивляясь собственной хладнокровности. Во мне словно включился некий режим – эмоции отступили, остался хладнокровный, ясный расчет. Гнев не исчез, он просто стал тяжёлым и целенаправленным, как наковальня.

Когда последнего раненого перевязали, вождь собрал совет у своего дома. Туда же привели связанных жрецов Масенджи – тех, кто не успел скрыться в суматохе. Их было пятеро. Они сидели, уставившись в землю, страх пронзил всю их напускную набожность. Масенджи, конечно же, сбежал, прихватив с собой пару самых преданных прихвостней.

У костра собрались все мужчины племени, способные держать оружие. Лица были усталыми, глаза – потухшими. Мвабу поднялся. Он выглядел на двадцать лет старше.

– Я провалил свой долг, – его голос, обычно громовой, был глухим и надтреснутым. – Я позволил змее поселиться в нашем доме и ослеп, пока она отравляла нас. Я не смог защитить наших дочерей. Я оказался слишком слаб. Он посмотрел на меня. – Акатунга остановил шамана. Теперь он должен сказать, как вытащить наших девушек из пасти диких Йоруба.

Все взгляды устремились ко мне. Не было вызова, как раньше. Была надежда – отчаянная и тяжелая. Я встал.

– Йоруба думают, что они победили, – начал я, и мой голос прозвучал чуждо даже для меня самого – ровно, без эмоций. – Они думают, что мы сломлены, разобщены и будем лизать раны. Они ждут, что мы смиримся. Но этому не бывать! Мы дадим им то, чего они не ждут.

Я изложил свой план. Я говорил о внезапности, о силе и о хитрости. О том, что мы заберем у них не только наших девушек. Я говорил не как воин, а как стратег, и в глазах охотников загорались не просто огоньки – загорались факелы понимания. Они кивали. Даже седовласые старейшины, обычно ворчавшие на любое новшество, молчали, внимая.

Мой авторитет в ту ночь перестал быть авторитетом удачливого силача. Он стал авторитетом вождя. Пусть временного. Пусть странного. Но – вождя.

Перед самым рассветом, когда серое небо на востоке только начинало светлеть, ко мне подошёл Мвабу. Он был один.

– Акатунга, – сказал он, опуская голову. Жест непривычный для вождя. – Ты спас мою дочь от позора. А я... я не смог защитить дочерей своего племени. Мое слово теперь ничего не стоит. Но твое – да. Веди их. Приведи их домой. И знай – когда ты вернешься, моя хижина – твоя хижина. Мое место у костра – твое место. Я отдаю тебе свой голос.

Он положил свою здоровую, могучую руку мне на плечо. Не как начальник подчиненному. Как равный – равному. Или как старший, передающий эстафету. В его глазах не было зависти. Была только усталая решимость и тень того стыда, который, я знал, будет грызть его до конца дней.

Мы вышли, едва первые лучи солнца коснулись верхушек акаций. Нас было одиннадцать – те самые, кто добывал «Черного Грома». Но теперь мы были не охотниками за мясом. Мы были охотниками за людьми. Наше оружие – отточенные копья с кремневыми наконечниками и несколько луков, и еще – факелы, пропитанные смолой.

Дорога в земли Йоруба заняла около дня. Мы не бежали – мы шли быстрым, ровным шагом, берегли силы. Кеита и Джума шли впереди, как тени. Теперь они не смотрели на меня с оценкой. Они смотрели вперед, туда, где был враг. Я был их острием.

Мы подошли к деревне Йоруба на рассвете следующего дня. Их поселение было больше нашего раза в два, хижины стояли теснее. Отсюда доносились утренние звуки – крики детей, лай собак, стук дерева по дереву. Они чувствовали себя в безопасности. Зачем осторожничать? Трусливые Ашанти далеко, они горюют о своих потерях.

Мы заняли позицию на краю небольшой рощицы, в двух сотнях шагов от ближайших хижин. Я оглядел своих людей. Ни страха, ни лихорадочного возбуждения. Была холодная, почти каменная решимость. Они доверились мне. Теперь нужно было оправдать доверие.

Я взял один из факелов. Кеита чиркнул камнем по кремню, и сухая смола с треском вспыхнула, выхватив из полумья наши лица – жесткие, закопченные, незнакомые.

– Зажгите, – сказал я тихо. – И выходите. Не прячьтесь.

Один за другим одиннадцать огненных языков взметнулись в прохладный утренний воздух. Мы вышли из рощи строем. Не крадучись, не пытаясь зайти с тыла. Мы вышли открыто, держа факелы в одной руке и оружие – в другой. Пламя потрескивало, дым стелился за нами черной хвостатой полосой.

Первыми нас заметили собаки. Их лай сменился визгливым воем. Потом закричали дети. На порогах хижин начали появляться люди – сначала женщины, сонные и испуганные, потом мужчины, хватающиеся за копья, но их движения были замедлены внезапностью и... нелепостью нашего появления.

А потом всё замерло. Даже собаки притихли, словно почуяв что-то неладное. В этой внезапной тишине, гнетущей и непрочной, я видел колебание в глазах их вождя, который уже проснулся и стоял напротив нас – старый шакал взвешивал риск. Но в его окружении уже шевелились молодые, горячие головы. Чей-то насмешливый выкрик, чей-то презрительный жест. Они видели одиннадцать человек против сотни. Их страх перед неизвестностью начал размываться банальной арифметикой и зарождающейся злобой.

Расчетливый страх – не та валюта, на которую можно было купить жизнь наших девушек. Нужен был страх животный, немедленный, парализующий. Нужно было показать, что правила игры изменились. Что одиннадцать – это не число, а предвестник конца.

Мой взгляд упал на ближайшую хижину – круглую, аккуратную, с плотно сплетенными стенами из тростника, высушенного на палящем солнце. Идеальный трут.

Я не стал ничего говорить. Я просто резко развернулся, сделав широкий замах, и швырнул свой пылающий факел. Он описал в воздухе высокую дугу, сверкая угольками, и вонзился прямо в стену жилища.

Сухой тростник вспыхнул не просто быстро. Он взорвался. С глухим хлопком и яростным шшшшш пламя взметнулось к небу, превратив хижину в гигантский факел за считанные секунды. Жар волной ударил в лицо, осветив в багровом свете искаженные ужасом лица йоруба. Послышался пронзительный мужской визг – оказалось, из хижины успели вовремя выбежать не все.

– СЛЕДУЮЩАЯ! – мой голос прорвался сквозь треск огня и общий гул, не крик, а ледяной металлический рев. Я выхватил факел Кеиты, стоявшего рядом и бросил в соседнюю хижину. – И СЛЕДУЮЩАЯ! Пока вся ваша деревня не станет пеплом на ваших могилах!

Хаос, который я обрушил на их разум, был совершенным. Они готовились к бою, к переговорам, к чему угодно – но не к тотальному, бессмысленному сожжению их мира на корню. Пока их воины давились в нерешительности, я уже готовился поджечь третью и четвертую хижины. Их численность ничего не значила против этой тактики выжженной земли.

И тут я выкрикнул ультиматум, рожденный разумом стратега, а не яростью зверя, загнанного в угол и решившего сжечь весь лес:

– Один на один! Ваш вождь против меня! Или, если ваш вождь ТРУС, выберите любого воина! Если он победит – мы уходим! Откажетесь – и я сожгу каждую вашу хижину, чтобы ваши дети и женщины плакали на пепелище.

Мой взгляд впился в старого вождя. Его хитрость наконец разбилась о стену безумия. Он что-то крикнул своим, отчаянно жестикулируя. В толпе началась давка, спор. Но альтернатива была слишком ужасна. Пожар позади меня бушевал, освещая сцену адским светом.

Наконец, вперед протиснулся не старый вождь и не хитрый шаман. Из толпы вышел Он. На голову выше самого высокого из толпы йоруба. Его плечи были шире, чем у буйвола, а в руках он сжимал не копье, а дубину из цельного черного дерева, толщиной в мое бедро. Его лицо, покрытое ритуальными шрамами, не выражало ничего, кроме холодной, тупой уверенности в своей массе. Это был не человек. Это был молот. Орудие, которое должны были запустить, чтобы раздавить назойливую муху.

Он даже не заговорил. Просто издал низкий рык и, раскачав свою дубину, ринулся на меня, как обвал. Земля, казалось, содрогнулась под его тяжелыми шагами.

И начался бой, не только за наших плененных девушек, но и за то, кто будет хозяином саванны. Ему не помогли ни рост, ни сила. Я их просто обесценил. Первый его сокрушительный удар, способный размозжить череп, я не парировал – я просто сделал легкий шаг в сторону, и дубина со свистом врезалась в землю, подняв фонтан пыли. Пока он с рывком выдерживал ее, я не атаковал. Я стоял и смотрел. Насмешливо.

Он ревел от ярости и бил снова. И снова. Каждый раз я ускользал в последний момент, используя лишь малейшие смещения корпуса, работу ног. Иногда я позволял ему приблизиться и легким, хлестким ударом ладони бил по его лицу, по уху, по носу – не чтобы травмировать, а чтобы унижить. Чтобы показать всей деревне, как их громадина бессильно топчется вокруг того, кто быстрее, умнее, смертоноснее.

Я танцевал вокруг него. Я ломал не его тело – я ломал его дух и волю всего племени, наблюдающего за этим. Их лучший боец, их воплощенная мощь, выглядел неуклюжим, пыхтящим ребенком. На лицах йоруба читался уже не просто страх, а стыд и отчаяние.

Когда его движения от бешенства и усталости стали совсем тяжелыми и предсказуемыми, я решил, что представление окончено. В очередной раз уклонившись от мощного горизонтального замаха, я не отскочил назад, а резко приблизился к нему. Моя левая рука заблокировала его запястье с дубиной, а правая, сложенная в кулак, со всей моей чудовищной, накопленной за эту пляску силой, вонзилась ему в горло.

Раздался не хруст, а влажный, внутренний хлоп. Его глаза, полые от злобы секунду назад, вдруг округлились от непонимания. Он попытался вдохнуть и издал лишь булькающий, жуткий звук. Из его рта и носа хлынула алая пена. Он выпустил дубину, схватился руками за горло и рухнул на колени, а затем – лицом в пыль. Его тело еще несколько раз судорожно дёрнулось, прежде чем затихнуть навсегда.

Я стоял над ним, запачканный его кровью, дыша ровно и глубоко. Абсолютная тишина. Даже треск горящей хижины казался приглушенным. Я обвел взглядом замершую толпу – женщин, сжавшихся от ужаса, мужчин, в чьих глазах гасла последняя искра сопротивления.

Я вытер ладонь о львиную шкуру и поднял голову. Мой голос прозвучал тихо, но он пробил эту тишину, как нож.

– Ваш лучший воин – мёртв. Ваш выбор – сделан. С этого момента я – ваша стена. Я – ваше копье. Я – ваш вождь. Моё племя – Ашанти. Ваше племя – теперь тоже Ашанти. Примите это. Или... – я медленно повернул голову к другой, еще нетронутой хижине, – ...выйдите и бейтесь. Кто готов?

Никто не вышел. Ни один человек не пошевелился. Только пламя позади меня продолжало пожирать хижину, отбрасывая длинные, пляшущие тени на лица людей, которые только что потеряли всё: украденных девушек, своего главного воина, волю и своё имя. Они смотрели на меня. И в их взгляде не было ненависти. Был только всепоглощающий, первобытный ужас и признание новой, железной иерархии.

Я одержал победу. Самую грязную и безоговорочную. Я стал хозяином.

Глава 8. Новый порядок

Возвращение наших девушек было не просто победой – это было чудо, вырванное из пасти мрака. Когда они, бледные, с растрёпанными волосами, но целые и невредимые, выбежали из толпы йоруба, чтобы броситься к нам на шеи, воздух наполнился не криками, а каким-то сдавленным всхлипом, а затем – прорвавшимся громким плачем облегчения. Особенно трогательно было видеть крошечных близняшек Амину и Амиру, которых несли на руках наши охотники, словно хрупкие драгоценности. Они прижимались друг к другу, широко раскрыв испуганные глаза, но увидев знакомые лица, расплакались тихо и бесконечно. Это были слезы возвращения. С ними, к счастью, обошлись как с ценной добычей – бережно, хотя страх в их глазах говорил о пережитом ужасе.

Пока девушки осыпали нас благодарностями, смешанными со слезами, практичные охотники во главе с Мунаки взяли ситуацию под контроль. Они, как хозяева, сразу облюбовали самое большое и крепкое строение – дом вождя йоруба, и устроили там свою временную штаб-квартиру, выставив у входа охрану. Пленных вождя йоруба Нганга и его шамана Лумумба, оглушенных стремительностью разгрома, связали и под конвоем отправили туда же. Мунаки действовал жёстко и без лишних слов – война есть война.

Мне нужно было подумать о моих последующих шагах, ведь история вокруг меня закрутилась слишком быстро. Я направился к дому шамана Лумумбы. Строение было чуть меньше вождеского, но более мрачным, заставленным странными фетишами и высушенными частями животных. Внутри пахло травами, плесенью и страхом. Я вышвырнул на улицу пару его перепуганных помощников, заявив, что теперь это мое место для размышлений. Оставшись один, я рухнул на грубую тахту из тростника. Адреналин схлынул, оставив после себя не эйфорию, а тяжёлую, холодную ясность.

– Никто не придет, меня не спасут, – прозвучало в голове с окончательной беспощадностью. Неделя в этом мире, встречи с двумя племенами – и ни малейшего намека на цивилизацию. Ни обрывка ткани, ни ржавого гвоздя, ни слуха о “железных птицах”, ни даже автомата Калашникова. Эта была не просто глухомань. Это был другой мир. Застывший в каменном веке так прочно, что, казалось, никогда из него и не выходил. Ждать спасателей было безумием. Значит, собственное спасение – только в моих руках.

– Память не возвращается, – продолжил внутренний диалог. Ожидать, что вдруг щёлкнет в голове и всё прояснится – самообман. Я – это то, что я есть здесь и сейчас. Акатунга. Белый воин. Убийца львов и буйволов. Победитель вождей. С этим багажом и надо жить.

Мысль созрела, чёткая и неотвратимая, как удар молота: «Государство». Не просто племя. Не союз кланов. Первое государство в этой дикой саванне. Центр власти, порядка, прогресса. Ярость и сила принесли мне власть над йоруба. Но чтобы удержать ее и приумножить, нужны не только копья. Нужна идея. Нужен новый порядок, при котором жить под моей рукой будет выгоднее, чем против нее.

План начал складываться в голове, еще сырой, но уже с железным стержнем. Объединить племена. Навязать им свои правила. Научить их не только брать, но и строить. Превратить врагов в подданных, а подданных – в строителей.

Утром, едва забрезжил свет, я собрал своих. Охотники, бодрые и суровые. Девушки, еще не отошедшие от страха, но уже с надеждой в глазах. Мы построили колонну. Впереди – мы с Мунаки. За нами – наши люди и спасенные. В хвосте, под бдительным присмотром, – пленные мужчины йоруба и их притихшие старейшины во главе с вождем Нгангой и шаманом Лумумбой. Я забрал не всех мужчин, оставив старых в деревне, а забрал только молодых, у которых мозги должны быть гибче, а значит их будет легче перевоспитывать.

Некоторые из молодых охотников йоруба пробовали ворчать, сопротивляться. Моим ответом был не долгий спор, а мгновенный, точный удар. Не убийственный, но болезненный и унижительный. Пара «хуков в ухо», как назвал это мой просыпающийся лексикон, быстро навел порядок. Я управлял теперь грубой силой, это был факт. Но я дал себе слово: это – только начало. Со временем они сами должны будут захотеть моей власти.

Возвращение в деревню Ашанти было триумфальным шествием. Когда мы показались на склоне, неся не только добычу, но и самое ценное – живых и невредимых дочерей, племя взорвалось. Крики, плач, смех. Люди выбегали из хижин, хватали девушек в объятия, ощупывали, убеждаясь, что они целы. А потом взгляды обратились к пленникам. В них вспыхнула ярость – та самая, беспомощная и горькая, что копилась всю прошлую ночь. Полетели первые камни, раздались угрозы. Один угодил в плечо молодому парню – тот дёрнулся, но не закричал, только стиснул зубы. Другой камень разбил губу Лумумбе, по подбородку потекла кровь. Я видел, как несколько мужчин схватились за копья, их глаза искали жертву среди связанных йоруба.

– СТОЙ! – мой голос, привыкший уже командовать, разрезал воздух. – Эти люди теперь под моей защитой! Кто их тронет – будет иметь дело со мной!

Ярость сменилась удивлением. Но авторитет «белого воина», убившего льва, буйвола и покорившего йоруба, был уже непререкаем. Я приказал поставить над пленниками охрану. Не столько чтобы те не сбежали – куда они денутся? – сколько чтобы свои же не разорвали их в клочья. Это был первый акт милосердия и первый шаг к новым порядкам. Пленных накормили, дали воду. Они сидели, сбившись в кучу, не веря своему спасению, а наши соплеменники ходили вокруг, пылая ненавистью, но уже не решаясь переступить черту.

Пир в ту ночь был грандиозным. Ели мясо «Черного Грома», пели, танцевали. Но в веселье сквозила новая, непривычная нота – ощущение силы, единства и странной, завоеванной справедливости. Я сидел у главного костра, и на меня смотрели уже не как на диковинку или временного героя, а как на центр, вокруг которого теперь вращается мир.

Шум пира за стенами хижины Тиамы постепенно стихал, уступая место треску потухающих костров и редким, усталым голосам. Запах жареного мяса и дыма медленно вытеснялся знакомым ароматом сушёных трав, висящих под потолком. Я сидел на циновке, прислонившись спиной к стене, чувствуя, как каждая мышца ноет от усталости, но разум отказывается отключаться.

Тиамы вошла бесшумно. Она сняла с себя украшения – простые бусы из ракушек, – и поставила возле очага глиняный кувшин с водой. Её движения были медленными, будто задумчивыми. Она не смотрела на меня, а смотрела “сквозь” хижину, куда-то в темноту за её пределами.

– Их крики... – начала она тихо, не оборачиваясь. – Когда они ворвались... это был не боевой клич. Это был... звук стаи. Как у гиен. Не для устрашения. Для веселья.

Она обернулась, и в её глазах, отражавших дрожащий свет углей, плавал кристальный лед.

– Они схватили меня за волосы. Просто волокли по земле, я... я не кричала. Я хрипела. Как будто голос отняли. И думала... моего отца, вождя племени, рядом жестоко избивают. Он проломил череп троим прихвостням шамана – жрецам, но их было больше, гораздо больше. Его вывернутая под неестественным углом правая рука стояла перед глазами, потом, под градом ударов, он перестал сопротивляться. Я только надеялась, что он не умер и мы еще сможем отомстить.

Она подошла и опустилась рядом со мной на циновку, не касаясь меня. Сжалась в комок, обхватив колени руками.

– Я готовилась, – прошептала она. – Готовилась к их рукам. К их дыханию. Готовилась кусаться, царапаться, пока не убьют. Это была единственная мысль. Не даваться живой. Не стать... как та девушка на празднике. Не стать вещью.

Я молчал. Слова здесь были лишними. Любая попытка утешения показалась бы фальшью. Она выговаривала свой страх, вытаскивала его наружу, и я мог лишь быть рядом, пока она это делала.

– А потом... пришел ты – Она наконец подняла на меня взгляд. В нем была не благодарность, а нечто большее – изумление. – Не как охотник. Даже не как воин. Как... буря. Как что-то, что сносит всё на своем пути. Ты бил их не для того, чтобы отогнать. Ты... ломал. Словно они были не людьми, а злыми духами, которых нужно стереть в пыль. И я... я испугалась. Тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.